

Четыре корпорации белорусской элиты

Андрей Казакевич

Определить, что такое «элита» и степень её влияния на общество практически невозможно. Обычно это чувствуется интуитивно. Тем более сложно вести разговор о взглядах белорусской элиты. Проблема даже не в том, что элита очень фрагментирована (отсутствует даже минимальный политический консенсус), а в том, что её взгляды очень часто динамичны и колеблются в зависимости от многих внутренних и внешних факторов. Достаточно трудно определить разницу между настоящим мнением, симуляцией, идеологическим тезисом, эпатажем либо стремлением сказать ожидаемое. Особенно в контексте интервью. Но, возможно, это и несущественно – так или иначе эта совокупность отражает определённое состояние общественного сознания.

Цель этого небольшого послесловия – схематически передать основные черты той неопределенной социальной группы, которую условно можно назвать элитой, и одновременно очертить её логику понимания Европы и европейской проблематики. В книге представлены основные части белорусских элит, хотя и присутствует определенный дисбаланс в результате неконтактности части политического и экономического спектра, сильно интегрированного в государственную систему (высшие государственные персоны, крупный бизнес, часть академической науки, культуры и т. д.).

Представляется, что при анализе взглядов белорусской элиты удобнее всего провести её раздел по критерию субкультуры. Этот раздел довольно

условен, но отражает определённые стили мышления и, соответственно, стратегии в понимании внешнего контекста Беларуси, что для нас и является наиболее интересным. В этом контексте выделение функциональных групп (экономическая, политическая, культурная элита) не принимается во внимание. Ещё одним важным фактором, определяющим логику мышления элиты, является раздел политического и культурного пространства Беларуси по оси «власть – оппозиция», который влечёт за собой более глубокие разделя на уровне культуры и ценностей. Этот раздел достаточно важен и в контексте того, что могут сказать представители элитных групп во время интервью и насколько искренне.

Термин субкультура мы используем достаточно произвольно и связываем его с наличием определённых общих черт политической группы (структура биографий, образование, социальное происхождение, культурный фон), позиций на политическом поле (и, соответственно, коммуникативной близостью либо отчуждённостью), корпоративных связей и организационной эволюции. Не все группы обладают одинаковыми свойствами и уровнем консолидации, границы их достаточно мобильны и не прочны. Тем не менее такое деление, по нашему мнению, позволит несколько систематизировать взгляды белорусской элиты. При этом будем помнить, что взгляды – феномен довольно динамичный, и каждый представитель общества может их части менять при изменениях в социальной среде или политической позиции. Едва ли не классическим примером тут выступает С. Шарецкий.

Несколько слов стоит сказать о предмете книги, основу которой составляют ответы на вопрос, который обще можно назвать «европейской проблематикой». Беларусь является авторитарным режимом, что накладывает свой значительный отпечаток на характер и статус личного мнения. Высказывания о европейском пути в значительной степени теоретические, поскольку не являются предметом реальной политики. Кроме того, они значительно более персонализированы и случайны, так как не обосновываются соответствующей общественно-политической дискуссией и калькуляцией реальных интересов, что надо учитывать при чтении материалов.

Белорусская (пост)советская элита. Белорусская советская административная элита начала складываться после Второй мировой войны. В первоначальном виде она оформляется в 1950-ых годах, далее процесс её репродукции в рамках советского партийного аппарата происходил практически непрерывно до начала 1990-ых. Распад СССР и создание независимой Беларуси несколько ослабили влияние советской элиты, но доминирующий статус был вскоре возвращен (в 1990–1994 годах центральной фигурой являлся В. Кебич) и сохранялся практически до конца 1990-ых, когда начал работать естественный демографический фактор старения. Таким образом, представители советской номенклатуры сохраняли доминирующие позиции в государственном аппарате и после прихода к власти А. Лукашенко. Постепенный уход этой группы происходит только на рубеже XX–XXI веков – символичной чертой тут можно считать вытеснение из «большой политики» после президентских выборов 2001 года М. Мясниковича, который после 1994 года долгое время считался неформальным лидером постсоветской элиты.

(Пост)советская элита – это, возможно, единственная белорусская группа, имевшая опыт, по крайней мере частичный, административной завершённости, с собственными правилами, корпоративными связями, системой образования, механизмами отбора и рекрутования. Логика её развития была разрушена в начале 1990-ых, но это не помешало ещё десятилетие занимать лидирующие позиции. Большинство представителей советской элиты имели «местное» происхождение, многие сохраняли определённые симпатии по отношению к белорусской культуре, особенно литературе, но одновременно они были сильно советизированы по сравнению с остальными республиканскими элитными группами. Идеи независимости и национального возрождения не были достаточно популярными, а руководство БССР до последнего оставалось лояльным СССР.

Тем не менее в 1990-ые представители (пост)советской элиты демонстрировали достаточную политическую и культурную гибкость. В первые годы независимости произошло активное принятие идеи суверенитета и даже легитимация национальной политики, часть элиты успешно демократизи-

ровалась и даже органично вобрала национальный элемент. Её судьба после 1994 года была очень различной: одна часть в разных формах продемонстрировала оппозиционность (М. Гриб, В. Гончарик), другая, большая, часть успешно интегрировалась в новый политический строй, при этом сохраняя, как представляется, частичную автономию (М. Мясникович, В. Кебич). Для большинства, кажется, это было не идеологическим, а pragmatическим выбором, хотя администрация Лукашенко и вытянула на политическую сцену ряд ортодоксальных коммунистов (вроде Костяна, Малофеева или, в несколько меньшей степени, Дементея).

Что касается понимания Европы и европейского пути, то для большей части (пост)советской элиты оно полностью укладывается в контекст белорусской советской культуры и соответствующего типа идентичности. Белорусская советская традиция однозначно относила Беларусь к Европе, хотя её понимание было преимущественно пространственным и, естественно, никоим образом не связанным с цивилизационной структурой, ценностями или христианством. Впрочем, никакой альтернативы такому пониманию Европы и не могло существовать: русская националистическая традиция противопоставления России и Европы, как и надпространственное понимание Европы, противоречило советской идеологии. Экспансия новых «русских идей» и, соответственно, экспорт в Беларусь русского национализма, которые происходили в начале 1990-ых и в 1995–1999 гг. оказывали значительное влияние на белорусскую власть, остались чуждыми постсоветской элите. Не менее отчуждённой была и идея Европы как системы ценностей. Для большинства элиты Европа была и остаётся только пространственным (главным образом географическим) понятием, мало нагруженным дополнительными идеологическими смыслами. Кстати, такое отношение полностью аналогично пониманию нации и государства, которые выступают главным образом как территориальные понятия. Надо отметить, что такое представление Европы для (пост)советской элиты складывалось в то время, когда континент был наполовину советским, а Европейское экономическое сообщество являлось региональным объединением 6–10 стран Европы. Это отчётливо контрастирует с современным пониманием, свойственным молодому поколению, когда Европа и ЕС – понятия практически тождественные.

Обычно представители (пост)советской элиты демонстрируют позитивное отношение к Европе как к чему-то близкому, как к партнёру по сотрудничеству – прежде всего экономическому. Даже требования демократизации воспринимаются спокойно. Но культурный концепт Европы, её внутренние разделы представляются, как правило, непонятными и искусственными в географической парадигме. При этом обычно подчёркивается необходимость сохранения особых традиционных связей с Россией. Это своего рода прагматичная парадигма советского периода, которая никогда не была внимательна к культурным и неэкономическим аспектам политики. Например, не очень часто можно встретить агрессивное отношение к демократии, но в большинстве случаев она рассматривается не как ценность, а только как дополнительный механизм, служащий «для улучшения условий сотрудничества». (Пост)советская элита была достаточно гибкой, чтобы идти на такие меры при определённых внешних обстоятельствах.

«Национальная» элита. «Национальная» элита – группа, которая возникала как противовес белорусской советской элите. Противовес главным образом культурный – только в конце 1980-ых начинают появляться организованные политические группы, не подконтрольные коммунистической партии. Следует учитывать, что в советской Беларуси не было значительного диссидентского движения (ни национального, ни религиозного), а новое поколение национального движения организуется в первой половине 1980-ых без прямой преемственности с более ранним периодом. При этом непосредственным фундаментом его стала национальная традиция начала XX века, собственно белорусский элемент советской культуры (который в БССР пережил значительное социальное ограничение) и белорусское движение Западной Беларуси 1920–1930-ых годов. Основу «диссидентов» составляла творческая интеллигенция: представители культуры, науки, сконцентрированные в крупных городах.

В противовес советской идентичности «диссиденты» предлагали идентичность национальную, основанную на уважении к белорусскому языку и культуре, совершенно иной интерпретации истории (с длинной генеало-

гий со времён ВКЛ, а не с 1917 года, как в советской версии), и совсем иное понимание внешнеполитического контекста. Если для советской элиты Европа была не более чем пространством, не отягощённым дополнительными смыслами и ценностями, то для национального движения она стала символом национального возрождения. Европа стала образом настоящей (несоветизированной) белорусской культуры и исконной (не связанной с российским колониальным наследием) политической традиции со времён Полоцкого княжества и ВКЛ. Важным для национального движения стала метафора «возвращение в Европу» как политическая, экономическая и, что ещё более важно, культурно-цивилизационная задача. Это, соответственно, сочеталось с многосторонним подчёркиванием европейской сущности и основы белорусской культуры.

Следует заметить, что подъём европейской проблематики в национальной дискуссии происходил в условиях значительного роста русского национализма после распада СССР. (Последний имел различные формы – от новой интерпретации панруссизма и западнорусизма до панславизма и евразийства, но первые варианты явно доминировали. Одним из немногочисленных представителей на современной политической сцене можно считать С. Костяна.) Различные версии русского национализма стали достаточно популярны в среде части белорусской элиты и совсем незначительной группы интеллигенции, особенно после 1994 г., когда А. Лукашенко практически возвёл его до уровня государственной политики (особенно внешней). Иногда существование белорусской нации ставилось под вопрос, поэтому Европа и европейскость рассматривались национальным движением как главный противовес и альтернатива «русскости». Но значение европейской для национального (в более широком смысле – практически для всего демократического) движения стало значительно большим, чем простое противопоставление, проделав эволюцию от символа прошлого до ценности и основной перспективы, при этом сохраняя свою идеологическую нагрузку.

В 1990–1994 годах национальное движение (главной политической силой которого был БНФ) было частью неустойчивого баланса с советской элитой, которая сохранила власть, но пошла на уступки в области белорусизации и воз-

вращения национальных символов («консенсус Кебича»). Однако дальнейшее политическое развитие не привело к синтезу национальной и советской культуры, по крайней мере такой синтез был существенно заторможен усилением авторитарных тенденций и фактическим переходом государственной власти в 1994–2000 годах на радикальные панруссистские националистические позиции. Национальная элита в таких условиях начинает вытесняться с легального политического поля (что было достигнуто в 1996 году) и репрессироваться государством как на символическом, так и на социальном уровне. В современной Беларуси национальная элита практически не имеет возможности участия во власти и сконцентрирована в политической оппозиции, ряде СМИ и культурной элиты (где она часто доминирует). Это подчёркивает её во многом диссидентский характер, с соответствующими стратегиями политической борьбы и психологией.

Новая элита. Среди разнородной массы, которую мы условно называем белорусской элитой, существует довольно значительная группа, которая сделала собственную политическую или деловую карьеру в условиях распада советской системы и политических трансформаций 1990-ых (в более узком контексте – во время правления Лукашенко). Для значительной части этих людей только перестройка, независимость и распад СССР в 1991 году, а также электоральная революция в 1994-ом открыли возможности для карьерного роста. Эта группа довольно разнородна по своему происхождению и идентичности, и она формирует то, что условно можно назвать новой элитой, которая и начинает доминировать во властных и деловых структурах.

Центральное место тут занимают люди, получившие социальный и политический статус в результате прямой протекции новой власти и отдельных её носителей, а также те, чьи позиции (в частности экономические) стали возможны только в результате получения преференций от государственной системы. Наиболее показательным здесь является круг знакомых и коллег А. Лукашенко (а также знакомых этих знакомых и т. д.), которые занимали скромные посты районного уровня, а после 1994 года сделались персонами национального масштаба (Коноплёв, Журавкова), круг тех, кто поддержал

будущего президента как политический проект (Шейман, Булахов). Это наиболее радикальные случаи – для большинства новой элиты карьерный рост был значительно более медленным, однако при этом сильно связанным с новой властью. Кроме этого, значительное число административной элиты сформировалось в условиях современной государственной системы, которая представляется им достаточно знакомой и привычной, а значит, полезной. Персональные убеждения представителей новой элиты могут быть различными (до криптооппозиционности), но их статус заставляет их смотреть на политику через призму интересов системы (от которой зависит их будущее), хотя искренняя убеждённость в её правильности не являлась до последнего времени распространённой. Эта группа составляет основу реальной политической элиты Беларуси и является наиболее закрытой для неофициальной общественности.

Целостного воззрения тут нет и быть не может. Но нас наиболее интересует «жёсткий центр» новой элиты, точка зрения которой доминирует в публичном пространстве. Именно в этих кругах продуцируется официальная антizападная риторика, определённый внешнеполитический радикализм и соответствующий идеологический фундамент. (Главное внимание, естественно, уделяется США, но Европа также выглядит негативно.) Если во второй половине 1990-ых новая элита предлагала в качестве основной идеологии различные варианты русского национализма, то в начале XXI века происходит переход к специфической конструкции «идеология белорусского государства» (2003). Это несколько изменило статус Европы и различных элементов «цивилизационного» противопоставления в идеологии. Власть вновь вернулась к географическому пониманию европейского пространства.

В этой модели подчёркивается географическая принадлежность к Европе (известная метафора: «Беларусь – центр Европы»), но в плане культуры принадлежность скорее отрицается (по крайней мере, в отношении Западной и Центральной Европы). Иногда Беларусь даже противопоставляется западному типу культуры (часто вспоминается наследие православия). Соответственно, очень редко отмечается необходимость интеграции в Европу и её культурная ценность для Беларуси; в отношении России такие обороты

более часты. Таким образом, Европа – это, с одной стороны, географическое и историческое понятие, которое вне сомнения включает Беларусь. С другой стороны, Европа – это культурная и политическая общность, являющаяся достаточно чуждой для белорусского народа. Особенно такая риторика усиливается в контексте политического давления на белорусские власти со стороны европейского сообщества, что однозначно рассматривается как вмешательство во внутренние дела и попытки навязать собственные стандарты демократии и ценности, которые неприемлемы (либо преждевременны) для белорусского общества. При этом всегда подчеркивается готовность к равноправному и взаимовыгодному сотрудничеству. Таким образом, существенное отличие от обычного географического понимания Европы заключается в том, что она ощущается как реальное политическое сообщество (фактор реальной политики), находящееся в противостоянии к существующему белорусскому устройству.

«Молодая генерация». Группа ещё более сложная для определения, чем новая элита, и значительно более фрагментированная. Довольно условно она охватывает молодых людей, пришедших в политику во второй половине 1990-ых и позже. По большому счёту, «генерация» представляет собой не целостную группу, а именно поколение, которое было воспитано (в политическом смысле) в условиях независимой Беларуси. Степень политической активности «генерации» довольно различна, во властных структурах её присутствие скорее фоновое (если исключить ряд показательно активных «технократов», с обязательным оттенком цинизма). В то же время в оппозиционных структурах молодое поколение занимает значительно более влиятельные позиции. (Занятие молодой генерацией значительной части ключевых постов в БНФ произошло в 2003 году, а ОГП – с некоторым опозданием – в 2006-ом. На региональном уровне ситуация аналогичная – весь провисший менеджмент заполняется молодыми функционерами, что можно считать одним из свойств – очевидно, кризисных – развития оппозиционных структур.) Мотивация участия в оппозиции обычно связана с убеждениями и идеологическим выбором, хотя циничный подход не является редким.

Для белорусской власти молодая генерация – это естественный резерв рекрутирования. Новые функционеры обычно являются лояльными государственной системе, но при этом демонстрируют довольно высокий уровень оппозиционности в частной жизни. Оценить, насколько молодая генерация находится под влиянием идеологических практик режима, достаточно сложно, но они явно не доминируют. Идеологические конструкции воспринимаются в большинстве случаев на оперативном уровне и пока не имеют характера ценностей. При этом коммуникация между двумя частями молодой генерации белорусской элиты практически отсутствует – возможно, даже более радикально, чем между другими группами элиты.

Формирование новой группы белорусской элиты происходило в условиях Республики Беларусь, и это накладывает свой отпечаток на самосознание, хотя оно и не выступает как какая-то самостоятельная и завершённая форма. В большей мере новое поколение воспринимает основные формы идентичности существующих групп элиты с некоторыми особенностями. Представляется, что восприятие Европы для него менее идеологическое и более критичное, в смысле внутренней критики и надежды на разрешение ситуации. Если для национальной элиты Европа выступала средством разрешения многих противоречий белорусского национального развития, то новая элита имеет куда меньше идеализма на этот счет. Для той части молодой генерации, которая интегрирована в государственную систему, ситуация выглядит схожим образом. Если и формируется негативное отношение к Европе, то оно связано не только с идеологическими и пропагандистскими конструкциями (или «незнанием Европы»), сколько с ограниченностью полноценных контактов на государственном уровне и, соответственно, уменьшением практического интереса к европейской проблематике. Это совсем не означает отсутствия контактов на личном уровне и личного опыта посещения зарубежья, но идея принадлежности либо присоединения при этом не возникает. Европа как интеллектуальный и культурный конструкт и Европейский Союз как его реальное политическое и экономическое воплощение становятся практически тождественными понятиями, а это значит, границы становятся достаточно хорошо очерченными.

Андрей Казакевич – род. в 1980 г. Окончил юридический факультет БГУ (отделение политологии) в 2002-ом. В 2002–2005 гг. учился в аспирантуре. Подготовил к защите диссертацию *Теоретические аспекты политического анализа судебной власти Беларусь*. Главный редактор журнала «Палітычна сфера». Руководитель бакалаврской программы «Политология. Европейские исследования» Европейского гуманитарного университета с марта 2006-ого.

KAMUNIKAT.Org